

После тринадцатилетнего отсутствия в Россию вернулась Лариса Тарковская, вдова великого режиссера Андрея Тарковского. На мою просьбу о встрече Лариса Павловна откликнулась сразу. Ей есть что сказать. Наболело...

— Думала, больше никогда не смогу приехать в Россию: в течение столько лет нас здесь не хотели видеть. Увы, но Родина виновата в том, что судьба Андрея Арсеньевича сложилась так трагично. Бесконечные стрессы, травля... Их испытывал не только сам Андрей, но и я, вся наша семья! В результате мы оказались на Западе.

— Не все знают конкретную причину отъезда...

— Андрей поехал в Италию снимать «Ностальгию»: он был первым советским кинорежиссером, который делал совместную постановку, а фильм итальянского производства. Я работала с ним как ассистент режиссера. Так он захотел. По советским законам мы имели право взять с собой десятилетнего сына (да и не могли его оставить — моей маме было восемьдесят лет). Но нам категорически отказали.

— Кто именно?

— Госкино выполняло волю ЦК партии. Не знаю, кто там лично распоряжался нашей судьбой.

— Недавно разговаривала с тогдашним председателем Госкино Филиппом Ермашом. (Это было на чествовании Никиты Михалкова по поводу присуждения ему «Оскара». Никита и другие кинематографисты весьма сердечно с Ермашом здоровались). А потом Филипп Ермаш даже сказал о себе: мол, сколько кинорежиссеров он спас, сколько фильмов открыл дорогу...

— У Никиты и правда с руководством всегда были хорошие отношения. Михалковы не испытывали на себе никакого давления. Как, впрочем, и Бондарчук, который на последнем Московском кинофестивале даже был провозглашен корифеем нашего искусства. Лично я так не считаю... Что же касается Ермаша... Работая в отделе культуры ЦК, он действительно вроде бы помогал Тарковскому. Потом-то мы узнали: делал вид, что помогает. Как только Ермаш сел в новое кресло, фильмы Тарковского тут же перестали посылать на международные кинофестивали. Ни один фильм Андрея не участвовал и в фестивалях советского кино.

Помню ответ Ермаша на нашу просьбу соединиться с сыном и моей мамой. Он нам отказал. Это было жестоко.

Мой муж был истинным русским патриотом! Нельзя было любить Россию больше, чем Андрей. Это видно и по фильму «Ностальгия». Итальянцы шутили: «Андрей, твой фильм надо показывать в ОБИРе». Это была по-настоящему патриотическая лента.

— На кинофестивале в Каннах этот фильм представила Италия...

— Да, а в жюри был Бондарчук. Его туда направил Ермаш — и лучшей кандидатуры выбрать не мог. Сергей Федорович сделал все, чтобы потопить, растерзать фильм. И тогда Андрей понял: возвращаться на Родину бессмысленно. В лучшем случае мог бы остаться без работы. А он и так из двадцати пяти лет творческой жизни семнадцать лет был безработным. Тарковский! Которого весь мир признал гением!

В Миланском университете есть факультет парапсихологии. Профессор этого факультета сказал, что только фильмы Тарковского обладают своеобразной светящейся аурой. И подтвердил это фотографиями.

На Московском кинофестивале Максимилиан Шелл рассказывал: в Америке на ретроспективе Тарковского в зале не было свободных мест — зрителям приходилось сидеть на полу.

Да что там... В наш Международный институт Андрея Тарковского в Париже каждый день идут люди. Они хотят как можно больше узнать о нем. В Японии Андрея считают чуть ли не богом. А в Индии верят, что он не умер. И я согласна с индийцами: Тарковский будет жить вечно. Кстати, когда Андрей еще был жив, на Родине прослышали о его тяжелой болезни. Многие картины

Вдова Андрея Тарковского Лариса рассказывает о жизни и трагедии своего гениального мужа... Впервые!

Японцы считают его богом, а индусы утверждают, что он жив

тогда вышли на экраны. Он мне сказал: «Плохи мои дела, Ларочка. Узнали, что умираю, вот и выпустили все мои фильмы». Целый год мы боролись за его жизнь. Но за все это время не было ни одного письма, ни одного звонка из России. Только Сережа Соловьев прислал письмо и освещенную иконку. Зато когда Тарковский умер, родственники вдруг потребовали выдать его тело на всенародные похороны в Москве. Это так цинично.

Вот поэтому я тринадцать с половиной лет не приезжала в Россию. Из них шесть лет нам не отдавали сына. Я его даже не узнала в аэропорту. А Андрей Арсеньевич, увы, уже не мог его встретить. Нашего мальчика и отпустили-то потому только, что отец, предчувствуя смерть, потребовал от советских властей предоставить ему возможность хоть раз увидеть сына. Наш ребенок оказался по сути заложником. Такого не придумали бы даже фашисты! Гитлер в свое время и то разрешил уехать детям Томаса Манна... А мы звонили ребенку в Москву, он плакал по телефону... Нас лишили права даже посылать деньги сыну и моей маме. С восьмидесяти третьего по восьмидесяти шестой год Андрей писал правительствам Франции, Америки, Италии о нашей беде. В России тогда уже шла перестройка. У власти был Горбачев. Андрей писал и ему. Я писала Раисе, зывая к ее родительским чувствам. Ответа не получили. Может, письма не доходили. Или Михаил Сергее-

вич недооценил Тарковского и всю нашу ситуацию. Если бы оценил — помог бы самому себе: Тарковский-то начал перестройку намного раньше Горбачева. Другие талантливые режиссеры корректировали свои работы в утеху властям, Андрей — никогда. За это его и не любили.

Он потерял русского зрителя, когда мы уехали. И это стало для него трагедией.

Более того... Когда Андрей решил снять картину о Достоевском, его замысел почему-то отдали Александру Зархи. А когда задумал снять «Бориса Годунова», в Госкино спросили: «А почему Тарковский? Пусть Бондарчук снимает». Запад шумел, но Андрею не нужна была шумиха на Западе. Ему нужно было признание на Родине.

— Слышала, что вам удалось издать дневники Тарковского в разных странах, но не в России...

— Думаю, на Родине издам весь архив Андрея. Он включает и письма зрителей (примерно пять тысяч — такое

четыре. Ему — тридцать. Я сидела в кабинете директора фильма Тамары Огородниковой. Вошел он. Я не знала, что это Тарковский. Увидела очень красивого, элегантно одетого, блистательно человека... Я и сейчас его люблю. Господь подарил мне это счастье — любовь. Я не могла без него жить, он не мог жить без меня. Казалось, так будет вечно. Я болела, у меня было нездоровое сердце, и я говорила: «Я умру первой». — «Ишь какая эгоистка, — отвечал он, — это я умру первым». Для меня он не умер. Есть жизнь и после смерти.

— Что это за люди, которых «Ларочка не знала»?

— Его сестра... В детстве Андрей и Марина были неразлучны. А поссорились, видимо, из-за меня. Это ведь его второй брак. Даже сейчас много охотников влезать в нашу личную жизнь: пишут, что Андрей не должен был жениться на мне. Как те пушкиноведы, которые утверждают, мол, Пушкина стесняла Наталья Николаевна. Я и о себе нечто подобное слышала.

— И вы, и Андрей Арсеньевич поклялись не возвращаться в тоталитарную Россию...

— Приехала нынче в надежде, что Россия стала другой. Что она духовно возрождается. За это Андрей и боролся, к этому призывал в каждом своем фильме. Не зря он собирался снимать сюжет о святом Антонии, о борьбе духа и плоти, о Гамлете... Не успел, к сожалению.

Мне было очень трудно решиться приехать сюда. Но и чужбина не может стать Родиной.

И все же, когда читала, что Андрей, потеряв Родину, потерял... талант, — смеялась. Он был настолько интеллектуален и интеллигентен, что переезд из одной страны в другую был для него не более чем географическим перемещением. Не это его убивало. Его убивала травля...

— Что вам уже удалось сделать по приезду в Россию?

— Нормализовать отношения с Фондом Тарковского. Люди, которые его создали, не имели на то никакого права. Я единственная законная наследница Тарковского и могу контролировать все мероприятия и структуры, связанные с его именем. Но Фонд отбросил меня и спекулировал именем Тарковского. Директора Фонда Паулу Дмитриевну Волкову я очень полюбила, но что-то она делает не то... Не хочу вдаваться в сплетни, хочу задать вопрос: «Что же это за фонд такой, который не хочет печатать дневники Тарковского?» Он их вел с семидесятого года по восемьдесят шестой. Последняя запись — 15 декабря. А двадцать девятого он умер. Паула Волкова сказала, что расходы по установлению памятника взял на себя Фонд. Деньги также дали молодые бизнесмены Сережа Кочкин и Женя Гутель. На освящении памятника зачитали письма от Горбачева, Ельцина, Лужкова... Приехал Андрей Козырев. Кстати, он и уговорил меня приехать в Россию.

— Вы не сожалеете?

— Конечно, нет. Скоро мы открываем в Москве фотовыставку, посвященную Тарковскому. А в Суздале — фестиваль искусств его имени. Правительством обещают содействовать. Вообще — чудеса! Я должна была вернуться на Родину, чтобы вернуть ей Тарковского. Мне и моим детям дадут российские паспорта. На нашем доме будет установлена мемориальная доска. Но я и жить там смогу. И на даче под Рязанью — тоже. Ее Андрей строил сам и очень любил. Вы видели ее в «Ностальгии», в «Жертвоприношении». Тонино Гуэрра говорил: «Андрей, если у тебя отнимут этот дом — отнимут жизнь». Возвратили!

Беседу вела Елена БЕЛОСТОЦКАЯ.